

## ПРАВИТЕЛЬСТВО, НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Исследователи развития России в XIX – начале XX в. до сих пор не дали исчерпывающего ответа на вопрос: каким образом тогда были взаимосвязаны политическая культура и общественное образование и воспитание? Отношение к системе общего образования своего времени – важная черта политического сознания и может многое объяснить в облике правительственной среды. С тем, как понимала высшая бюрократия характер и предназначение народного образования в государстве, были связаны и ее представления о путях своего собственного воспроизводства, и ее видение стоящих перед страной задач, и ее историческое чутье в целом.

На рубеже XVIII–XIX вв. русское образованное общество продолжало мыслить философскими и политико-правовыми категориями европейского Просвещения. Чем больше образованный человек того времени доверял идеям законности на основе естественного права, общественного договора, народного суверенитета, идеям «представительного правления» или «истинной монархии», тем более он был склонен воспринимать тогдашнюю светскую образованность и печатное слово как средство борьбы с единственной, как казалось, причиной социального зла – невежеством. В атмосфере этих веяний образование и цензура были превращены императором Александром I в особую отрасль государственного управления. И сразу же после учреждения соответствующего министерства правительство выказало желание поскорее увидеть более совершенный государственный аппарат, обновленный, благодаря распространению просвещения среди чиновников. «Ни в какой губернии спустя 5 лет по устройении в округе, к которому она принадлежит... училищной части, – гласили “Предварительные правила народного просвещения” 1803 г., – никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»<sup>1</sup>. Однако европейский философско-рационалистический оптимизм, воодушевлявший тогда юного императора и столь известный кружок его «молодых друзей», сразу же преткнулся о камень российских реалий. Насколько у дворян пользовались почетом чиновность, кавалерство и другие символы заслуг перед Престолом и Отечеством, настолько же мало обращалось внимания на образованность в ее европейском понимании. Высокое образование не было в России обязательным атрибутом благородства. Предпочтение отдавалось опыту, приобретаемому продолжительной государственной службой, и связанному с ним кругу специальных знаний и навыков. Характерно, что саратовский директор училищ А. Шестаков тогда же предлагал обязать проучиться определенный срок в гимназии или университете всякого дворянина, пожелавшего поступить на гражданскую службу, «ибо знание изящных наук, *для выгод государственных* (курсив мой. – М.Ш.), нужно сему классу паче, нежели прочим состояниям; и кажется, чтоб достигнуть всеобщего просвещения в России, надобно начать с всеобщего просвещения дворянства»<sup>2</sup>. Совет этот не был принят, и по прошествии 5 лет заявленное в «Правилах» требование осталось неисполненным.

6 августа 1809 г. появился знаменитый указ об экзаменах на чин, подготовленный М.М. Сперанским. В нем признавалось, что, «исключая университеты Дерптский и Виленский, все прочие учебные заведения, в течение сего времени открытые, по малому числу учащихся, не соразмерны способам их учреждения». Разумеется, самодержавное правительство прежде всего желало бы видеть вполне просвещенным первен-

---

\* Шевченко Максим Михайлович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ствующее сословие, но оно оказалось не на высоте: «К вящему прискорбию нашему, мы видим, что дворянство, обихшее примером своим предшествовать всем другим состояниям, в сем полезном учреждении менее других приемлет участия». Отныне, согласно указу, производство в коллежские асессоры (VIII класс) и статские советники (V класс) должно было осуществляться только по предъявлении аттестата об окончании университета или о сдаче специальных экзаменов<sup>3</sup>. Однако новый закон тоже оказался неудобноисполнимым. Существовавших казенных учебных заведений было еще слишком мало, чтобы осуществить переподготовку чиновников, зато в чиновничьей среде было возбуждено сильное недовольство. Указывая на него в своей известной «Записке», Н.М. Карамзин осуждал правительство не за намерение усилить «ревность дворян в снискании ученых сведений», а за опрометчивый радикализм и отсутствие продуманной экзаменационной системы. Кроме того, указ, по его мнению, был плох и тем, что имел обратную силу: «Надлежало бы только исполнить сказанное в Уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявить свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать, но кто уже давно служит, с тем нельзя, по справедливости, делать новых условий службы». Прочих чиновников, если и следовало экзаменовывать, то в строгом соответствии с родом их службы<sup>4</sup>. Вскоре для разных категорий чиновников были сделаны исключения из правила, установленного указом, и в начале следующего царствования сам указ стал чуть ли не исключением.

Был и другой, медленный, зато надежный путь пополнения чиновничества образованными людьми. Система гражданских чинов вызвала обоснованные нарекания. Между тем с ее помощью открывалась единственная реальная возможность поднять в России престиж ученого звания. Должности профессоров и преподавателей были введены в систему чинов. Выпускникам учебных заведений стали предоставлять право поступать на гражданскую службу прямо с классным чином, минуя низшие канцелярские должности. По «Предварительным правилам» 1803 г. студентам университета и выпускникам Демидовского училища высших наук присваивался чин XIV класса. Чин от XIV до IX класса, в зависимости от успехов, давался выпускникам Царскосельского лицея, основанного в 1810 г. для воспитания «юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной»<sup>5</sup>. С 1816 г. из Царскосельского благородного пансиона брали на службу с чинами от XIV до X класса. Такое же право получили выпускники благородных пансионов при Московском университете и Главном педагогическом институте, а также основанного в 1835 г. Училища правоведения. Окончание Петербургской гимназии с 1817 г. давало XIV класс, полного курса в Ришельевском лицее – XII класс (неполного – XIV класс). В 1822 г., заметив «неуравнение преимуществ», разрешили выпускникам университетов со степенью кандидатов начинать службу в X классе, а действительным студентам – в XII. Аналогичное право получили в 1825 г. выпускники Гимназии высших наук им. кн. А.А. Безбородко в Нежине. Устав 1828 г. закреплял за всеми выпускниками гимназий право на сокращенные сроки производства в первый классный чин, а за теми, кто «сверх прочих наук» обучился еще и древнегреческому языку – право начинать службу сразу в XIV классе. Согласно Университетскому уставу 1835 г., ученая степень магистра давала право на чин IX класса, доктора производились в коллежские асессоры.

Представление о том, что облик чиновничества можно преобразить лишь путем предоставления служебных преимуществ образованности, постепенно укреплялось. Предлагая Николаю I в 1826 г. «извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целию и достоянием просвещения», А.С. Пушкин выражал достаточно распространенную в то время точку зрения<sup>6</sup>. Она возобладала в Государственном совете при подготовке Устава (уставов) о службе гражданской, разработкой которого фактически руководил автор указа об экзаменах на чин. В 1834 г., когда было принято «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе», Сперанский, по словам барона М.А. Корфа, «был главным и всемогущим членом Департамента законов»<sup>7</sup>. Констатируя, что «не только через 5 лет, как в правилах 1803 г. предполагав-

лось, но даже и через 25 лет после указа 1809 г. ни средние, ни высшие наши училища не могли доставить такого числа образованных науками чиновников, какое нужно для всех родов службы». Департамент законов Государственного совета предлагал «во всех родах службы дать решительное преимущество в чинопроизводстве лицам, науками образованным»<sup>8</sup>. По Положению все чиновники делились на 3 разряда. К первому были отнесены лица с высшим образованием, ко второму – чиновники, обучавшиеся в средних учебных заведениях, к третьему – лица, окончившие училища низшей ступени или вообще без образования (т.е. без какого бы то ни было аттестата). Первые из XIV класса достигали чина V класса обычным порядком за 24 года или 26 лет (дворяне производились в VIII класс на 2 года быстрее, чем недворяне), за отличие – через 15 или 17 лет как минимум. Вторые могли сделаться статскими советниками за выслугу через 30 или 36 лет, а при заслугах, самое быстрое – через 22 года или 25 лет. Третьи могли получить генеральский чин через 37 лет или 42 года просто при хорошем выполнении своих обязанностей, при отличиях же – за 26 лет или 31 год. За чиновниками 2-го и 3-го разряда сохранялось право сдавать экзамены и переходить в более высокий разряд. Образованные чиновники, таким образом, продвигались по лестнице Табели о рангах в полтора – два раза быстрее. Этим закон устанавливал прочную тенденцию к накоплению лиц, интеллектуально развитых, на крупных должностях, сопряженных со штаб-офицерскими и генеральскими чинами. Развитие народного образования, действительно, могло теперь заметно сказаться на состоянии государственной службы в течение активной жизни одного-двух поколений.

Министр народного просвещения С.С. Уваров, заботясь об университетах, не устал подчеркивать еще одну далеко идущую цель – создать возможность притока на государственную службу кадров с наилучшей из возможного общей подготовкой. Он старался «возвысить университетское учение до рациональной формы», «поставив его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному», дабы «воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи еще незрелой» (курсив мой. – М.Ш.)<sup>9</sup>. Но успех в качественном обновлении правительственного аппарата зависел уже не от одного Министерства народного просвещения, ибо вопрос этот выходил за рамки его компетенции. А до единомыслия относительно величины и характера устанавливаемых законом преимуществ по службе для лиц с образованием в правительственных сферах было далеко. Многие отрицали, например, целесообразность деления чиновников на разряды по уровню образования. Преимущество образованных чиновников в скорости производства казались чрезмерными и несправедливыми. Со своей стороны, Министерство народного просвещения, опасаясь за слишком медленно растущий престиж своих учебных заведений, дорожило всеми привилегиями их выпускников, чутко реагируя на любое поползновение к их умалению. Так, в 1837 г. был издан указ, обязывающий дворян и тех, кто по образованию имел право на классный чин, в начале карьеры прослужить 3 года «в местах губернских или им равных в столицах или вне оных». Исключение делалось лишь для тех, кто имел право на чин VIII и IX класса<sup>10</sup>. В первоначальном проекте указа, обсуждавшемся в Комитете министров, предполагалось сделать изъятие для всех выпускников Царскосельского лицея и Училища правоведения. Однако Уваров обратился к императору с возражениями: «Если все ограничения и обязанности нового узаконения должны исключительно падать из высших учебных заведений на одни университеты, то можно опасаться, что *прилив* в оные молодых людей *особенно высших сословий, с таким трудом устроенный*» (курсив мой. – М.Ш.), впредь мог бы прекратиться». Николай I поддержал его, правда, выпускников двух элитарных заведений, имеющих право на VIII и IX класс, было предписано брать на службу в избранные ими ведомства даже без наличия вакансий<sup>11</sup>.

Уваров не упускал случая осторожно дать почувствовать своим коллегам значение новых достижений науки и образования для правительственной политики. Известно, что он с успехом приглашал членов Государственного совета генерал-адъютантов кн. И.В. Васильчикова и гр. В.В. Левашова в учебные аудитории Петербургского уни-

верситета к профессору русской истории Н.Г. Устрялову. В середине 1830-х гг. Уваров приглашал к себе Устрялова для прочтения отдельных лекций своего курса в присутствии гр. Н.А. Протасова, переходившего тогда с должности товарища министра народного просвещения на пост обер-прокурора Святейшего Синода. «Оба они делали замечания, – вспоминал Устрялов, – но вообще были в восторге, особенно граф Протасов; для него очень важно было тогда Литовское княжество по политическим соображениям; дело представлялось как-то смутно. Теперь же все стало ясно»<sup>12</sup>. Впереди было осуществленное в 1839 г. воссоединение униатов Западного края с православной Церковью.

Тем не менее скепсис в отношении системы гражданских чинов среди высшей бюрократии не исчезал. В декабре 1846 г. Николай I принял решение начать общий пересмотр Устава о службе гражданской. К тому времени уже скончался Сперанский, всегда считавший формирование образованного чиновничества одной из главных правительственных задач. Другого, столь же твердого и авторитетного для Николая I сторонника системы 1834 г., соединявшей уровень образования со скоростью чинопроизводства во все время службы, в правительственных кругах не было.

В 1846 г. был учрежден Комитет по пересмотру Устава о службе гражданской, состоявший из всех товарищей министров. Конечной его целью, указанной императором, являлось «уничтожение гражданских чинов»<sup>13</sup>. После первого же доклада Комитета император повелел ему учесть в дальнейшей работе, что «преимущества, дарованные разным учебным заведениям впредь касаться должны только поступления на службу». Вместо системы гражданских чинов, которую надлежало отменить, Комитет предложил разделить все гражданские должности на 11 классов. При этом Николай I желал, чтобы назначение на каждую должность производилось, «как в военном ведомстве», только при вакансии «и в редких случаях за отличие», а долгая и безукоризненная служба в одной и той же должности вознаграждалась бы специально установленными прибавками жалованья. По новому проекту, если всякий раз по истечении минимального срока пребывания в каждой должности открывалась бы новая вакансия, дворянин проходил бы путь от XI класса до V за 24 года при обыкновенной выслуге, а при постоянных отличиях – за 18 лет. Недворянин – за 30 лет или за 23 года. Сроки производства, предусмотренные для дворян, почти соответствовали чинопроизводству по I разряду Положения 1834 г., а для недворян – примерно совпадали со сроками II разряда. Допуская общее ускорение производства при исчезновении преимуществ образованных чиновников в продолжении службы, Комитет, по сути, пренебрегал уже полученными результатами ускоренного выдвижения лиц, имеющих высшее и среднее образование. Кроме этого, предполагалось, что окончание гимназического курса не будет давать право поступления на государственную службу тем, кто не имеет его по происхождению<sup>14</sup>.

7 ноября 1848 г. граф Уваров отреагировал на предложения Комитета запиской «О системе чинов в России», в которой утверждал, что последняя если и устарела по форме, то по своему главному принципу никак не является анахронизмом. Министр доказывал, что в руках правительства система чинов есть исключительное по своему значению средство воспитания в народе духа служения государству, а ее уничтожение неминуемо повлечет моральную деградацию чиновничества и катастрофическое снижение дееспособности государственного аппарата: «Мысль общая за полвека, что каждый русский подданный должен служить престолу, мысль, которая благоговейно руководит целыми поколениями, с уничтожением Табели о рангах несомненно ослабнет... образуется новый разряд людей... менее привязанных к правительству, а более занятых своими выгодами... людей без прошедшего и будущего... совершенно похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования»<sup>15</sup>. Николай I, верный консервативному инстинкту, явно не торопился увидеть новые правила гражданской службы в действии. После 1848 г. регулярные доклады Комитета об упразднении гражданских чинов прекратились. В ноябре 1850 г. на стол монарха лег подготовленный в нем проект. Однако, как

говорилось впоследствии в официальном обзоре, «Государь император по прочтении доклада Комитета остался очень доволен и соизволил отозваться, что доклад заключает в себе точные мысли Его Величества, от которых Его Величество хотя и не изволил отступать, но не находит возможным привести одновременно в исполнение все меры, в докладе Комитета предложенные»<sup>16</sup>. Система гражданских чинов осталась неизменной, не последовало и частных изменений в положении чиновников.

Наступил 1848 г. После ревизии цензуры Министерства народного просвещения, проведенной секретным Комитетом под председательством кн. А.С. Меншикова, 2 апреля 1848 г. был создан особый Высший цензурный комитет, который быстро создал атмосферу «цензурного террора», фактически доведя контроль над печатью до полного хаоса. В октябре 1849 г. Николай I учредил Комитет «для пересмотра постановлений и распоряжений по части Министерства народного просвещения» или «по пересмотру учебных уставов». Как и в Высший цензурный комитет, в его состав не были включены представители возглавляемого Уваровым ведомства. Лишившись самостоятельности в области цензуры и оказавшись перед угрозой утратить ее в отношении учебных заведений, граф воспользовался тяжелой болезнью и подал в отставку с министерского поста.

Непосредственный повод для учреждения Комитета по пересмотру уставов народного просвещения дали, как и в случае с цензурой, две записки: «одна записка генерал-адъютанта Шипова, другая – записка тайного советника Переверзева». Первый из них был сенатором в Москве, второй – членом совета министра внутренних дел. Выразительную характеристику обоим дал на страницах своего дневника барон Корф: «Шипов – маленький, самый маленький человечек, с живым воображением, с некоторым даже умом, но с умом самым наиприскучным, бестолковым и лишенным всякого такта. Весь погрязший в вечных проектах и утопиях, он убежден что все симпатизируют с его манией и пока жил в Петербурге, был ужасом и пугалом всех салонов, которого избегали как чумы уже издалека, чтоб не подпасть под пытку его проектов, которыми он готов был мучить всякого встречного до упаду... Переверзев – человек другого рода, и именно подьячий, но подьячий самого высшего разбора... Кажется поповский сын, обучавшийся в семинарии, затем в Университете... очень долго влачился по разным губернским мытарствам... Везде брал, пьянствовал, но вместе изощрял необыкновенный свой природный ум наблюдениями и практическим изучением вещей»<sup>17</sup>. «Вошло в обычай во всем обвинять Министерство народного просвещения, – писал по этому поводу А.В. Никитенко. – Государю было подано несколько проектов преобразования его, совсем не государственных. Некоторые отличаются изумительной безграмотностью. Например, проект Переверзева, который был когда-то и где-то губернатором; там, говорят, заворовался, был уволен, долго оставался без места... Я знаю его лично. Это круглый невежда, к тому же нетрезвый»<sup>18</sup>. Только благодаря охранительной тревоге суетливость подобных деятелей могла иметь какие-либо серьезные политические последствия.

В состав Комитета, компетенция которого по сути никак не ограничивалась, вошел член Государственного совета статс-секретарь Корф, генерал-адъютанты обер-прокурор Святейшего Синода граф Н.А. Протасов, начальник военно-учебных заведений Я.И. Ростовцев, член Государственного совета и председатель комитета для пересмотра Устава о службе гражданской Н.Н. Анненков. Возглавил его начальник II Отделения с.е.и.в. канцелярии статс-секретарь граф Д.Н. Блудов, опытный бюрократ с блестящей карьерой, показавший себя однако посредственным администратором во время управления Министерством юстиции и МВД<sup>19</sup>. Тонкий придворный и, по словам Корфа, «любезнейший человек в Петербурге», мастер «ловкой непринужденной веселости и разнообразности в беседе», обладатель «богатого запаса сведений» и «неистощимого остроумия»<sup>20</sup>, Блудов был и за страх, и за совесть предан Николаю I. Вместе с В.А. Жуковским, Пушкиным и Уваровым он участвовал в знаменитом литературном обществе «Арзамас», обладал честолюбием литератора, считался тонким ценителем российской словесности, изящных искусств и вообще всякой образованно-

сти. Пожалуй, он был единственным в Комитете, кто мог бы глубоко заинтересоваться проблемами народного просвещения. Протасов на заседаниях старался отмаливаться, отговариваясь перед Корфом тем, что «не имеет никакой практической привычки к подобным совещаниям»<sup>21</sup>. Анненков и особенно Корф были переобременены занятиями по Высшему цензурному комитету. Помимо этого, Модест Андреевич как раз тогда же осуществил свою давнюю мечту – занял пост директора Императорской публичной библиотеки, дела которой его увлекали гораздо более всего прочего. «В прибавку надобно сказать, – писал он, – Комитет этот, по-видимому, чрезвычайно мало интересуется государя»<sup>22</sup>. В результате, учрежденный в октябре 1849 г. Комитет по пересмотру уставов народного просвещения в первый раз собрался только 18 февраля 1850 г. В течение последующих двух с небольшим лет состоялось всего 9 заседаний (5, 8 и 26 мая 1850 г., 15 марта, 26 апреля и 17 ноября 1851 г., 3 и 11 апреля и 6 мая 1852 г.). Следующие 4 года он существовал только номинально. Еще одно и последнее заседание Комитета состоялось уже в новое царствование – 7 февраля 1856 г.

Что же он успел предпринять? Даже самым изощренным злопыхателям Министерства народного просвещения в те времена было уже не так легко вторгаться в его дела. За полвека существования министерства процесс специализации и профессионализации его кадров зашел достаточно далеко. На некомпетентное и безграмотное вмешательство руководители ведомства могли ответить резкой отповедью: «Проект составлен лицом, совершенно незнакомым с положением наших университетов, с науками там преподаваемыми; с духом самого преподавания; с направлением профессоров; с честью и пользой занимающих кафедры; и, наконец, с обучающимся там юношеством, отличающимся вообще трудолюбием и похвальным поведением»<sup>23</sup>. Деловая сплоченность чиновников, профессионально связанных с преподаванием и наукой, заметно возросла. Сознывая это, Блудов сам попросил императора ввести в Комитет министра кн. П.А. Ширинского-Шихматова. В историографии Шихматова часто представляют обскурантом и мракобесом. Так воспринимала его на рубеже 1840–1850-х гг. учено-литературная общественность. Иначе смотрели на него служащие центрального аппарата министерства. Долгие годы находившийся рядом с Уваровым, Платон Александрович выделялся среди бюрократов своего ранга внимательным отношением к подчиненным. Чиновник Департамента народного просвещения Н.Н. Терпигорев вспоминал: «Князя Шихматова мы искренно уважали за его доброе, сердечное, мягкое обращение с нами; довольно было князю сделать кому-нибудь из нас замечание – заслуживший его всеми средствами старался исправиться». Когда Шихматов на несколько месяцев тяжело заболел, «все мы, словно по какому приказу, отправились на квартиру князя и убедительно просили княгиню дозволить нам, по очереди, днем и ночью дежурить у постели больного... Но вот, к общей нашей радости, князь... мог вступить в заведывание департаментом. Живо помню, как мы все, когда узнали, что сегодня князь придет в департамент, вышли к нему навстречу, к самому подъезду, и искренно его поздравляли с выздоровлением. Князь был глубоко тронут этой встречей»<sup>24</sup>.

Роль, которую Ширинскому-Шихматову пришлось играть на посту министра, была незавидной. «Князь Шихматов был добр и по природе, и по убеждению христианина, справедлив, прост и доступен, – вспоминал А.В. Никитенко. – Он не отличался, подобно своему предшественнику (Уварову), ни блестящим умом, ни даром слова. Его ум вращался в сфере практической администрации, где он приобрел много знания и навыка. Он собственно не был государственным человеком... и пост министра застал его, так сказать, врасплох, неожиданно. Он сам сознавал свою несостоятельность в этом отношении... Но надо сказать правду... Под министерство подкапываются со всех сторон; оно сделалось какою-то сомнительной отраслью государственного управления, а представитель его, министр, скорее ответное лицо перед допросами, чем государственный чиновник. Князь Шихматов хотел честно и добросовестно выполнить свою тяжкую миссию. В бумагах, которые я получал от его товарища (Норова) по разным важнейшим вопросам, везде видно благородное усилие защитить дело просвещения и отклонять слишком резкие преобразовательные меры, клонящиеся к стеснению

его... Он изнемог в этой борьбе, и можно с достоверностью сказать, что она сократила срок его жизни... На него смотрели с некоторого рода пренебрежением, которое было естественным следствием его политического бессилия... А сколько и как кидали в него грязью и в обществе и в кругу ученых!»<sup>25</sup>. Действительно, Ширинский-Шихматов с первого заседания принялся столь решительно бороться за сохранение *status quo*, что несколько переусердствовал, и Блудов обвинил его в уклонении от исполнения воли монарха: «Вы посажены сюда государем по моему представлению, – заявил он, – мы не могли предвидеть, что Вы будете оборонять все существующее как какую-нибудь крепость, только потому, что оно существует. Мы же посажены здесь для того чтобы разобрать и исправить существующее, а совсем не для хвалебного гимна прошедшему управлению»<sup>26</sup>.

Высказанные в Комитете замечания о преобразовании университетов и составленная Блудовым записка об изменениях в учебных программах были переданы в конце концов на рассмотрение в Министерство народного просвещения и там осели<sup>27</sup>. Дилетантские потуги высокопоставленного сановника не произвели на чиновников-профессионалов особенного впечатления<sup>28</sup>. Но Комитет Блудова рассматривал и общие вопросы, выходявшие за рамки компетенции учебного ведомства. Все согласились, что в учебные заведения по-прежнему следует принимать представителей всех сословий, кроме крепостных, и нет смысла придавать казенным учебным заведениям строго сословный характер. Сделанные в таком духе предложения Шипова, Переверзева и костромского губернатора Каменского были отвергнуты. Но основное внимание привлекло переданное из Комитета о пересмотре Устава о службе гражданской предложение об упразднении введенного в 1834 г. деления чиновников по срокам производства на разряды в зависимости от уровня образования. Судя по записям Корфа, Комитет Блудова счел своей главной задачей разрешение вопроса, «которому подчиняются все другие – о правах выпускаемых из университетов и других высших заведений»<sup>29</sup>.

Ширинский-Шихматов вынужден был согласиться с мнением всех остальных, что деление на разряды следует отменить. Уступая, он хотел сохранить права выпускников поступать на гражданскую службу прямо с классным чином. В защиту служебных преимуществ образованных чиновников высказался в своем письменном мнении, представленном в Комитет, министр юстиции граф В.Н. Панин. «Распространением образованности, между всеми сословиями значительно увеличилось число лиц, способных к исправлению должностей как высших, так и низших», – писал он. Но для того чтобы вывести правительственный аппарат на более высокий уровень, надо систематически выдвигать образованных чиновников, поскольку «успехи особенно замечательны с того времени, как служащим присвоены особенные права по степени образования при производстве до пятого класса». Образованность сыграет свою роль только тогда, когда ее носители получают в органах власти первенствующее значение: «Меры, принятые по усилению курсов в гимназиях, будут иметь важные последствия для губернского правления, если воспитанникам гимназий будут дарованы права и преимущества соответственные степени их познаний». Напротив, лишение образованных чиновников преимуществ ударит по престижу образования и, в конечном итоге, по качеству правительственного аппарата: «При отмене правил, установленных для поощрения к высшему образованию, большая часть поступающих на службу предпочтет начинать оную ранее, для отыскания средств пропитания или для чинов и отличий, и от сего последует изменение ко вреду службы». Вместе с тем Панин предлагал обязать прослужить на государственной службе лиц, получивших высшее образование, 10 лет, среднее – 6 лет<sup>30</sup>. Служивший в молодости в Сенате К.П. Победоносцев, крайне критично относившийся в то время к Панину, в своем памфлете, напечатанном в 1859 г. А.И. Герценом в «Голосах из России», признает, что министр юстиции проявлял серьезный интерес к молодым образованным чиновникам: «В то время появились первые выпуски из училища правоведения, которое по первоначальному плану должно было готовить молодых людей для сенатской службы. Многие, и сам

гр. Панин, смотрели тогда с каким-то недоверием на незванных пришельцев, явившихся перебивать места в Сенате, но вскоре взгляд Панина переменялся, и он начал давать ход по своему ведомству людям нового поколения»<sup>31</sup>.

В марте 1851 г., ознакомившись с представленным журналом Комитета, Николай I принял предварительное решение об упразднении разрядов (впрочем, отмена их не должна была затронуть тех, кто поступил в учебные заведения до обнародования нового законоположения)<sup>32</sup>. Но, повелев составить проект указа, он отложил его обнародование до тех пор, пока будут разработаны и утверждены все другие преобразования, касающиеся учебного ведомства. Таким образом, нельзя было исключить того, что, получив проект, император не отложит его осуществление на неопределенный срок, как это случилось с пересмотром Устава о службе гражданской. Комитет, вдруг спохватившись, предложил временно оставить отменяемые преимущества для отдельных округов и учебных заведений, но Николай на это не согласился. В таком положении дело оставалось до 1856 г.

Новый император в первый год своего царствования был почти всецело погружен во внешние дела России. Но не определившись еще с внутривластным курсом и лишь намечая его основные контуры, Александр II стал делать отдельные шаги, облегчавшие положение Министерства народного просвещения. 23 ноября 1855 г. он отменил сделанное в мае 1848 г. распоряжение о том, что своекоштных студентов на всех факультетах, кроме богословского и медицинского, не должно быть более 300; 3 декабря был закрыт Высший цензурный комитет, стали появляться новые периодические издания. На заключительном заседании Комитета Блудова А.С. Норов, заменивший скончавшегося в 1853 г. Ширинского-Шихматова, высказался против уничтожения разрядов. Император распорядился вынести этот вопрос на обсуждение в Государственный совет, прочие же предложения передать на рассмотрение Министерства народного просвещения. Блудов внес свой проект 10 мая. Состоялись 3 заседания в Департаменте законов. 6 июня Общее собрание, рассмотрев их результаты, вернуло дело обратно в Департамент. Дебаты разгорелись с новой силой. В течение лета и осени все, пожелавшие высказаться обстоятельнее, представили письменные замечания. Наконец, после двух заседаний Общего собрания в ноябре 1856 г. обсуждение завершилось.

На необходимости уничтожить деление чиновников на разряды по срокам производства в зависимости от уровня образования настаивали Анненков, Блудов, кн. П.П. Гагарин, генерал-лейтенант П.Н. Игнатьев, Ростовцев. При этом они признавали, что в свое время правила были очень полезны, а, может быть, и необходимы: «Надлежало обеспечить существование и успех учебных заведений, особенно высших... кои при малом числе учащихся могли бы не соответствовать цели своей и коих польза была бы несоизмерима с необходимыми на учреждение их затратами и усилиями правительства. Надлежало также поощрить учащихся к обширному и правильному классическому учению, а вместе с тем и привлечь их в гражданскую службу». Теперь же, утверждали Блудов и его сторонники, положение совершенно изменилось: «Стремление к учению обратилось в навык, сделалось как бы естественной потребностью». Искателей мест в учебных заведениях теперь больше, чем казенных вакансий. Недостатка в желающих занять «места по части гражданского управления» также нет, хотя число должностей «непомерно велико и еще беспрестанно увеличивается». Следовательно, «теперь уже ощущается вред от излишнего привлечения в высшие учебные заведения». Обширные привилегии привлекают слишком многих выпускников казенных учебных заведений на службу, и от этого страдают другие сферы деятельности, например, развитие промышленности и торговли: «Через необдуманное стремление других к чинам и соединенным с ними должностям, останавливается, может быть, усовершенствование ремесел, уничтожаются торговые дома». Конечно, «людей, окончивших курс в учебных заведениях, особенно в высших, можно считать, до некоторой степени, более других приготовленными к исправлению по службе должностей, для коих необходимы общие познания», но их преимущества в производстве «охлаждают



усердие других чиновников». Преимущества эти «несправедливы для службы и вредны для просвещения», они делят служащих «на две касты: как бы опричных и опальных». Разряды предлагалось заменить едиными для всех сроками производства, с тем чтобы из XIV класса выслуживались в V-й за 32 года при обыкновенном усердии, а при заслугах – самое меньшее за 17 (для дворян) и 25 лет, при особенных же отличиях – за 14–18 лет. Это, примерно, соответствовало существовавшему 2-му разряду. При этом Блудов и поддержавшие его сановники настаивали на том, что замену следует произвести теперь же, не дожидаясь, когда Министерство народного просвещения завершит разработку общего проекта преобразований по своей части<sup>33</sup>.

Норов резко возражал. «Министерство до сей поры находилось в какой-то опеке, которая связывала его по рукам и ногам и мешала ему развиваться... – негодовал он. – В денежных способах нам отказывают, а теперь хотят отказать и в моральных поощрениях». Министр народного просвещения не сомневался, что «ни один из аргументов, предлагающих нововведение, не может выдержать критического анализа»<sup>34</sup>. То, что училищные начальства иногда отказывают желающим в приеме даже в число своекоштных учащихся, по мнению Норова, доказывало не силу рвения к получению знаний, а скудость имеющихся материальных средств. Так, в петербургских гимназиях прием был ограничен только из-за недостатка учебных помещений. Между тем в Петербурге на 500 тыс. жителей приходилось лишь 5 гимназий, где училось всего 1 476 человек. К тому же большинство воспитанников гимназий не оканчивает: «Многочисленны только низшие классы, а высшие, напротив того, малолюдны»<sup>35</sup>. Выделяемые Министерству народного просвещения средства были и вправду скромны. В царствование Александра I их доля в общем объеме расходов государственного бюджета в среднем составляла 1.25%, при Николае I – 1.14%.

Норов представил внушительные статистические сведения. По данным Академии наук, на 1854 г. во всей России (кроме Царства Польского) количество учащихся во всех ведомствах относилось к численности населения как 1:136, тогда как в Царстве Польском эта пропорция составляла 1:69. Всего из 428 490 учащихся лишь 124 358 приходилось на учебные заведения ведомства народного просвещения<sup>36</sup>. В Дерптском округе 1 учащийся в них приходился на 134 человека. В Виленском округе это отношение было 1:456, в Петербургском, Московском, Киевском, Харьковском, Одесском и Казанском вместе взятых – 1:598, в Сибири – 1:663. Общее число учащихся по ведомству народного просвещения на 1856 г. составляло: 71 755 человек в Царстве Польском, в Кавказском учебном округе – 4 097, во всей остальной Империи – 119 608 человек. Если в 1835–1847 гг. численность учащихся возросла в высших учебных заведениях с 2 649 до 4 512, а в средних – с 14 075 до 20 970, то потом она несколько снизилась и в 1855 г. составляла соответственно 4 127 и 18 201 человек<sup>37</sup>. «Мы еще не достигли той эпохи, – повторял Норов, – когда ободрение просвещению, оказывается, больше не нужно». Избыток желающих поступить на службу еще не свидетельствовал о высоком уровне образования. Напротив, существующий с 1834 г. порядок еще «только начинает приносить свои плоды»<sup>38</sup>. «Положительно доказано фактами, до какой степени еще недостаточно для государства число поступающих из высших учебных заведений на гражданскую службу; оно не достигает цифры 300. Эта цифра должна нас пугать, а не ободрять». «Наконец.. – заключал министр, – исполнение предполагаемого проекта отзовется гибельно не для одного Министерства народного просвещения, но и для всех отраслей государственного управления»<sup>39</sup>. На службу «будут идти чиновники, а Государственных людей не будет», университеты, а, может быть, даже и гимназии придут в запустение<sup>40</sup>.

Авраам Сергеевич не менее, чем Блудов, был знатоком литературы и искусства, а сверх того еще и страстным библиофилом и коллекционером восточнохристианских древностей. Он несомненно чтит образованность, и не колеблясь, встал на защиту ее престижа, но административного навыка ему явно не хватало, как и опыта ведения дел в Государственном совете. Не обладал он и необходимой в таких случаях способностью противодействовать интриге. «Человек добрый, благородный, неглупый, хотя

с примесью некоторой наивности, очень хорошо владеющий пером, но едва ли деловой», — отзывался о нем Корф<sup>41</sup>. «У него благородное сердце, и намерения у него благие, но едва ли достанет у него сил., — записал о Норове Никитенко. — Ему недостает, между прочим, и того практического смысла, и того навыка к делам, который все-таки был у Шихматова, а помощников у него нет»<sup>42</sup>. Имея в своем распоряжении очень веские доводы, Норов подавал их недостаточно умело: при общей эмоциональности выступления многословие снижало четкость его аргументации.

Блудов действовал гораздо эффективнее. Письменные мнения его были изложены более лаконично и формально выглядели логичнее. Даже Никитенко, выступавший в роли консультанта при Уварове, Ширинском-Шихматове и самом Норове, беседуя с министром, «советовал ему принять мысль Комитета относительно производства в чины»<sup>43</sup>. К тому же, будучи председателем Департамента законов, Блудов влиял на государственную канцелярию и, по-видимому, обеспечил себе более выгодную редакцию журналов заседаний своего Департамента, которые рассылались остальным членам Государственного совета: некоторые особенно выразительные статистические сведения в журнал не попали. В ходе обсуждения его поддержали министр двора В.Ф. Адлерберг, Анненков, кн. Гагарин, кн. А.Ф. Голицын, Игнатьев, адмиралы Ф.П. Литке и В.И. Мелихов, Л.В. Тенгоборский, Н.А. Челищев.

В поддержку Норова решительно выступили министр внутренних дел С.С. Ланской, управляющий Морским министерством барон Ф.П. Врангель и председатель Департамента гражданских и духовных дел принц Петр Ольденбургский. «Число всех учащихся... — писал Ланской, — по отношению к беспрерывно умножающемуся населению империи... может быть названо скорее уменьшающимся». Недостаток образованных чиновников по-прежнему велик, «особенно по губерниям», и без увеличения их числа рационализация делопроизводства и повышение эффективности государственного аппарата невозможны. Министр внутренних дел «скорее готов был бы просить о заграждении пути ко вступлению в гражданскую службу людям недоучившимся, нежели отвращать от сей службы образованных». «Университетский студент и не приготовлен для управления каким-либо промышленным заведением, — отмечал Ланской, — точно также, как полуграмотный разночинец не приготовлен к гражданской службе». «Пока будут в России гражданские чины, — утверждал он, — до тех пор кандидаты и магистры не пойдут в приказчики, или ремесленники, а почему, — то не требует доказательств, при нынешних общенародных понятиях наших и организации разных сословий государства». Как ему представлялось, масса мелких чиновников без образования «с происходящим от них потомством разночинцев» составляла и ту «вредную касту», непомерное увеличение которой имело отрицательные последствия. Поэтому, как бы ни был несовершенен закон 1834 г., заключал Ланской, «дух его или смысл несомненно полезен... то есть намерение правительства предоставить высшие места по гражданской службе преимущественно лицам образованным»<sup>44</sup>.

Врангель обратил внимание на то, что одновременно в Государственном совете рассматривалось уже одобренное Департаментами законов и экономии ходатайство государственного контролера Н.Н. Анненкова, выступавшего на стороне Блудова, об увеличении привилегий образованных чиновников в его ведомстве, поскольку в Государственном контроле из 300 служащих только 90 имели образование, из них лишь 25 — высшее. При этом, продолжал адмирал, 2 члена Совета «из числа 5, поддерживающих уничтожение разрядов», признали, что «из представленных сведений не видно, чтобы в других ведомствах эта пропорция была выгоднее». К примеру, в морском ведомстве из 1 509 чиновников (за исключением медиков) только 74 окончили высшие учебные заведения, и лишь 89 — средние. Врангель считал, что следовало не только сохранить разряды, но для лиц, принадлежавших к I разряду, отменить различия в сроках производства, связанные с происхождением<sup>45</sup>.

Принц Ольденбургский давно проявлял озабоченность состоянием государственного аппарата. В 1834 г. он инициировал учреждение Училища правоведения, предложив пожертвовать для этого личные средства. «Недостаток образованных и сведущих

чиновников в Канцеляриях судебных мест составляет неоспоримо одно из важнейших неудобств... – констатировал он тогда. – Учебные заведения, ныне существующие, не удовлетворяют сей потребности государства... Для устройства канцелярий... полагаю необходимым, чтобы улучшение содержания согласовано было с образованием людей, для гражданской службы назначаемых»<sup>46</sup>. И в 1856 г. принц Петр напоминал, что «хотя прилив образованных молодых людей в столицы и в знатнейшие города по некоторым отраслям высшего управления может быть и велик, но нельзя без содрогания и душевного соболезнования думать о составе лиц полицейского управления даже в столицах и о составе канцелярий губернских и уездных»<sup>47</sup>.

Нейтральную позицию занял граф Д.Е. Остен-Сакен, предложив свои меры к постепенному уничтожению чинов. В частности, он рекомендовал «для развития любознательности» воспретить вступление в службу ранее 19 лет<sup>48</sup>. Но его рассуждения скорее подтверждали правильность позиции Норова. Генерал вспоминал, что, командуя более 20 лет корпусами в провинции, «не мог отбиться от дворян, поступающих на службу из уездных и дворянских училищ и 4 и 5 классов гимназии»: «При убеждении моем родителей не потворствовать лености детей и понудить их к окончанию хотя бы гимназического курса, был почти один и тот же ответ: “ему уже 16 лет, когда же он выслужится в чины”»<sup>49</sup>. Хорошо образованные офицеры на общем фоне заметно выделялись.

В выступлениях членов Государственного совета уже понемногу давало себя знать начало новой эпохи. «Оттепель» 1856 г. или разлитое в обществе предчувствие глубоких общественных преобразований затрагивало и правящие круги. Озабоченность развитием экономики страны прорывалась в прениях на достаточно удаленную от этого тему. Так или иначе сознавалась необходимость уменьшения бюрократизма. Начинали звучать ссылки на опыт европейских государств, в частности, Англии, где «без экзамена никто не может даже вступить в службу»<sup>50</sup>. Журнал заседаний Общего собрания отметил «многие, весьма продолжительные и сильные прения». Надо отдать должное их участникам, взвешивавшим последствия своих суждений. Чувство ответственности заставляло их еще и еще раз задуматься. 5 ноября 32 члена высказались за то, чтобы продолжить обсуждение в присутствии всех министров и главноуправляющих, ибо вопрос, полагали они, еще не вполне ясен; 12 были против. В числе 32 были и те, кто уже поддержал Блудова, – граф Адлерберг, Анненков, кн. Голицын, Игнатъев, Литке, Мелихов. Слово было за новым императором.

Вопрос, обсуждавшийся Государственным советом, не был в центре внимания Александра II. Как личность Николаевич сформировался под мощным влиянием отца. Он привык смотреть на государственные проблемы его глазами и, вступив на престол, известное время сохранял прежние представления. Со времени совершеннолетия он по воле Николая I принимал участие в заседаниях высших правительственных учреждений, но большого рвения к ним не проявлял. Еще воспитатели и преподаватели отмечали у него недостаток трудолюбия и воли к тому, чтобы терпеливо разбираться в сложных вопросах, требующих умственного напряжения. Основной интерес цесаревича был сосредоточен на армии, гражданские же дела не занимали первостепенного места в его деятельности<sup>51</sup>. Тем не менее, по свидетельству Корфа, еще в 1851 г. наследник читал составленный, очевидно, в Блудовском комитете «журнал о правах воспитанников учебных заведений при поступлении на службу»<sup>52</sup>. Узнав об итогах заседания Государственного совета 5 ноября 1856 г., Александр II счел дело достаточно ясным и велел приступить к голосованию. 20 ноября 29 членов проголосовали за отмену разрядов, 13 – за их сохранение. Любопытно, что за упразднение разрядов проголосовал покровитель так называемой либеральной бюрократии – вел. кн. Константин Николаевич, а против – ее будущий противник граф Панин. Император утвердил мнение большинства<sup>53</sup>. Указ Сенату 9 декабря 1856 г. устанавливал единые сроки производства. При обыкновенном течении службы из XIV класса теперь производили в V-й за 24 года, при отличиях – за 17 лет, т.е. всех стали производить по срокам, предназначавшимся ранее только для чиновников I разряда.

В атмосфере общественного подъема 1850-х гг. закон 9 декабря 1856 г. остался как-то совсем незамеченным публикой. На него не обратили внимание, поскольку не в состоянии были верно оценить его отдаленные последствия. Лучше других осведомленный академик Никитенко приписывал упорное желание Норова сохранить разряды влиянию вице-директора Департамента народного просвещения А.Е. Кисловского и слабой подготовленности министра<sup>54</sup>. Спустя 5 лет он же напишет в своем дневнике: «Тройницкий сообщил мне любопытный статистический факт, извлеченный им из официального источника: что из 80 000 чиновников империи ежегодно открывается вакантных мест 3 000. В продолжении двух или трех лет с 1857 г. из всех университетов, лицеев и школы правоведения выпускалось ежегодно 400 человек, кроме медиков. Вывод из этого: как невелико у нас число образованных людей для занятия мест в государственной службе. Я был поражен»<sup>55</sup>. Но Никитенко не вспомнил тогда, что это он в 1856 г. убеждал Норова согласиться на отмену системы разрядов! Русское общественное мнение в 1850-х гг. было все же очень и очень незрелым. Отнюдь не лишены оснований представляется пессимизм Т.Н. Грановского, писавшего незадолго до смерти: «Московское общество страшно восстает против правительства, обвиняет его во всех неудачах и притом обнаруживает, что стоит несравненно ниже правительства по пониманию вещей»<sup>56</sup>.

Итак, накануне коренного поворота во внутренней политике, непосредственно перед наступлением эпохи Великих реформ, вопрос о роли и значении системы народного образования в государстве привлек внимание императорского правительства. Упразднение существовавшего с 1834 г. деления чиновников на разряды по скорости производства в зависимости от уровня образования не означало, конечно, ликвидацию всех, писаных и неписаных, служебных преимуществ, связанных с образованием. Но оно свидетельствовало о том, что был отвергнут сам принцип, предполагавший предоставление «высших мест по гражданской службе преимущественно лицам образованным». Университеты и гимназии не опустели, но образованные чиновники теперь не могли концентрироваться в значительных масштабах на крупных должностях и рассеивались в массе малообразованных. Спустя 40 с лишним лет в правительстве будет поднят вопрос о возвращении к прежнему принципу. Комиссия Е.А. Перетца и И.И. Шамшина в 1894–1901 гг. придет к заключению, что необходимо вновь ввести различные сроки производства в зависимости от уровня образования. Однако ее представление по не вполне ясным причинам так и не будет рассмотрено в Государственном совете<sup>57</sup>.

## Примечания

<sup>1</sup> ПСЗ-I. Т. 27. СПб., 1830. № 20597.

<sup>2</sup> *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век.). СПб., 1912. С. 24.

<sup>3</sup> ПСЗ-I. Т. 30. СПб., 1830. № 23771.

<sup>4</sup> *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 69.

<sup>5</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 634.

<sup>6</sup> *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Изд. 4. Т. VII. Л., 1978. С. 32.

<sup>7</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. VII, л. 131 об.

<sup>8</sup> РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1856 г., д. 32, л. 172, 173.

<sup>9</sup> *Уваров С.С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864. С. 18.

<sup>10</sup> ПСЗ-II. Т. 12. СПб., 1838. № 9894.

<sup>11</sup> ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 98, л. 59 об., 66.

<sup>12</sup> *Устрялов Н.Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. XVII. № 8. С. 623, 626.

<sup>13</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. X, л. 7 об.

<sup>14</sup> Там же, ф. 672, д. 326, л. 4–6 об., 16–16 об.

- <sup>15</sup> ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 39, л. 260–261 об.
- <sup>16</sup> Там же, л. 12.
- <sup>17</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. XII, л. 266 об.
- <sup>18</sup> *Никитенко А.В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 371.
- <sup>19</sup> Более удачным, пожалуй, было его управление Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД.
- <sup>20</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. V, л. 184 об.
- <sup>21</sup> Там же, ч. XIII, л. 110–110 об.
- <sup>22</sup> Там же, ч. VII, л. 307 об.
- <sup>23</sup> ОР РНБ, ф. 532, д. 46, л. 1 об.–2.
- <sup>24</sup> *Т[ертигорев] Н.Н.* Рассказы из прошлого // Исторический вестник. 1890. Т. 41. № 8. С. 340.
- <sup>25</sup> *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 368–369.
- <sup>26</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. XIII, л. 110.
- <sup>27</sup> См.: РГИА, ф. 733, оп. 88, д. 152; оп. 90, д. 123, л. 71–110.
- <sup>28</sup> *Рождественский С.В.* Последняя страница из истории политики народного просвещения императора Николая I (Комитет графа Блудова, 1849–1856) // Русский исторический журнал. 1917. № 3–4. С. 58.
- <sup>29</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. XIII, л. 109 об.
- <sup>30</sup> *Рождественский С.В.* Последняя страница... С. 42, 49–50.
- <sup>31</sup> К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 69.
- <sup>32</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. XIII, л. 109 об.–110; ОР РНБ, ф. 531, д. 52, л. 17 об., 24.
- <sup>33</sup> РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1856 г., д. 32, л. 196–198 об., 201, 211 об.
- <sup>34</sup> ОР РНБ, ф. 531, д. 52, л. 2, 19–19 об.
- <sup>35</sup> РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1856 г., д. 32, л. 209 об.
- <sup>36</sup> Там же, л. 209 об.–210.
- <sup>37</sup> ОР РНБ, ф. 531, д. 52, л. 27, 29.
- <sup>38</sup> Там же, л. 2 об., 12 об., 14, 22 об.–23.
- <sup>39</sup> РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1856 г., д. 32, л. 211.
- <sup>40</sup> ОР РНБ, ф. 531, д. 52, л. 2 об., 12 об., 14, 22 об.–23.
- <sup>41</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. XIII, л. 44 об.–45.
- <sup>42</sup> *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 370.
- <sup>43</sup> Там же. С. 447.
- <sup>44</sup> РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1856 г. д. 32, л. 76–83.
- <sup>45</sup> Там же, л. 109–111.
- <sup>46</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. V, л. 158 об.–159.
- <sup>47</sup> РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1856 г., д. 32, л. 130 об.
- <sup>48</sup> Там же, л. 186.
- <sup>49</sup> Там же, л. 94 об.
- <sup>50</sup> Там же, л. 197, 227; ОР РНБ, ф. 531, д. 52, л. 2, 7.
- <sup>51</sup> *Захарова Л.Г.* Александр II // Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993. С. 169–171, 174–175.
- <sup>52</sup> ГА РФ, ф. 728, д. 1817, ч. XIV, л. 23 об.
- <sup>53</sup> РГИА, ф. 1149, оп. 4, 1856 г., д. 32, л. 214 об.–215 об., 217, 219 об., 228 об.
- <sup>54</sup> *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 370.
- <sup>55</sup> Там же. Т. 2. С. 243.
- <sup>56</sup> Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 457–458.
- <sup>57</sup> *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. М., 1978. С. 50–53.